

Владимир Козин

САМАРСКАЯ СТЕПЬ, ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД, ЧАЛЫЙ ВОР И ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Не было керосину, спичек, соли, тканей, бумаги, книг. Твердые страницы Библии и жития святых превращались в козьи ножки для саратовской махорки и листового табака. На конном дворе неугасимым жаром тлела кучка кизяков: со священной заботливостью мы поддерживали древний огонь.

Когда зима окрепла и дороги легли через белую гладкую степь, на веселой тройке, с певучим покриком и посвистом, я лихо отвез заведующего экономией в Пугачов, по делам: служба всегда служба, планового хозяйства тогда не было, но отчеты требовались, балансы сводились.

Сестра заведующего Анфиса, молодая учительница, нежной свежести, сочной русской красоты, дала мне три толстые незабываемые книги.

Дала и сказала:

- Читайте, развивайтесь. Когда устанете развиваться, можете вспомнить меня!

Благодарный, я промчал Анфису через город на полукровной тройке. За городом открылось великое спокойствие предвечерней степи. Двадцать или сорок раз я поцеловал свою учительницу в лукавые губы, - тогда ее жадные глаза задумались, стали властно-покорными, и она начала меня целовать, неумело, ненасытно.

Тройка, степная тройка, куда летишь, красивая? Закат обозначился горячей чертой, мы неслись к закату солнцу, и я вдруг осадил тройку: все равно и степь молчала; девушка, запрокинувшись, смотрела в небо, теплыми ладонями лаская мое лицо. Я был готов на счастье и глупость, но коренник встрепенулся, колокольчик звякнул на лаковой расписной дуге, и Анфиса произнесла отчетливо, хозяйски:

- Домой!

Я послушался, дурак.

На другое утро я вернулся в Адеркасовскую экономию, и толстые книги завладели моим сердцем.

Ночью в племенной конюшне было тихо и тепло. В конце прохода, у денника жеребой Крылатки, стоял ларь с овсом; я расстилал на ларе свой овчинный нагольный полушубок, зажигал сальник и читал под сонные вздохи лошадей, под спокойный перестук копыт. Небывалое счастье открывалось мне в книгах, и я удивлялся, как много и строго может знать человек, излагать свои знания в увлекательном порядке. Я жил простой молодой жизнью, умел кормить и заботиться о кровных лошадях, ездил в степь, к ометам, за сеном и соломой на подстилку, блуждал в степные метели, очищал конный двор от сугробов и отвердевшего помета, и мысль моя касалась лишь близкого - того, что было перед глазами и что нужно, чтобы просто жить. Книги жили в тревожных просторах и глубинах - в глубине неодоушевленных и живых веков, в бесконечности незримых микробов, в незнакомых властных образах. Это было странно, жизненно, сказочно. Я верил, удивлялся своей доверчивости, силе книг; если лягнет жеребец или певуче обнимет дочь кузнеца, сила ясна; природа дерется, природа ласкает. А сила неподвижных книг? В метельные ночи, в древней чуткой тишине конюшни, среди знакомых запахов сена, дегтя, навоза, конского тела, я ощущал величие, простор и крепость слова.

Я пробовал писать - и яростно задохнулся в своем невежестве. Пока я на овчинном нагольном полушубке, в страстном нетерпении дергая ногами, выводил слово за словом, я был зачарован самим собой, своей смелостью. Потом я читал написанное своим соседям: рыжей Крылатке, одноглазому жеребцу-однолюбу Вампиру, вороной Неопалимой Мечте, чалому полупершерону Вору, - больше читать было некому; лошади слушали, степенно вздыхая, а я медленно издыхал от досады: сколько извел бумаги!

Я одумался и перестал писать.

К середине зимы я извелся от воспоминаний: зримая нежность Анфисы не давала мне спать; у нее была девичья сила, зрелый изгиб губ, косы до колен - мягкое чудо! Я уговорил наездника отпустить меня в Пугачов - обменять книги. Наездник был жесткий, безмолвный человек, его опасались и лошади и люди, но ему льстило, что у него образованный конюх, - во всей степи нет такого книжника с конской щеткой и скребницей!

На рассвете я запряг в саночки чалого Вора, старший конюх дал мне тулуп, наказав привезти табачку, - и я выехал в тишину степи. Было неоглядно, морозно, весело. Я напевал всякую мальчишескую чушь, рослый Вор шел резвой рысью, солнце бледнело и стало белым. Начиналась поэмка.

Ветер небрежно раздул конский хвост, степь шевельнулась; пошевелилась - и понеслась. Свистя,